

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

«СВОЕ И ЧУЖОЕ» В НАРОДНОЙ
ПЕСЕННОЙ ЛИРИКЕ

А.В. Грешникова

“NATIVE AND FOREIGN” IN THE FOLK
SONG LYRICS

Greshnikova A.V.

The article is devoted to the comparative analysis of the Russian-Ukrainian folklore relations. The problem the author is interested in is examined on the extensive material of the song lyric poetry of the mixed settlements. The investigation was proceeded by the collecting work on the territory of the Kursk region.

Статья посвящена сравнительному изучению русско-украинских фольклорных связей. Интересующая автора проблема рассматривается на материале песенной лирики, бытующей в смешанных по составу поселениях. Исследованию предшествовала собирательская работа на территории Курской области.

УДК 801.8

Одним из основополагающих положений культурологии М.М. Бахтина является идея о диалогической встрече двух культур, при которой каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются. Культура народа не может существовать в замкнутом состоянии, она нуждается в общении с культурами других народов и «только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже» (1, с. 354).

Диалог культур предполагает вопрошание чужой культуры и получение от нее ответов, позволяющих выявить как в чужой культуре, так и в своей новые смысловые глубины. Такой диалог носит взаимообогащающий характер. Вот что пишет об этом Бахтин: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого» (1, с. 354). Таким образом, ставя свои вопросы, каждая культура находит при ответе на них в смысловых глубинах другой культуры нечто важное и необходимое для нее самой и в то же время обогащает и другую культуру, находит в ней новые стороны, которые, возможно, в этой культуре были недостаточно раскрытыми.

По Бахтину, объектом гуманитарного познания является текст. Каждый текст диалогичен. Он всегда адресован другому, и

только в ориентированности его на понимание другого он обретает смысл. «Смыслами я называю *ответы* на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла», – пишет Бахтин. Далее он добавляет: «То, что ни на что не отвечает, представляется нам бессмысленным, изъятым из диалога» (1, с. 369-370).

Всякий текст содержит сообщение о своем предмете. Но это не объективно-беспристрастное сообщение, а ответ на поставленный самим автором или кем-то другим вопрос о смысле данного предмета и вопрос к другому о согласии (несогласии) с данным высказыванием. Этот «другой», кому адресован текст, должен его понять и ответить на него. При этом текст – «чужое слово» – играет для него не только роль сообщения о предмете, но и роль побудителя собственной мысли, опирающейся на собственный кругозор и опыт.

Диалогичность текста не ограничивается автором и адресатом, «встречей двух сознаний в процессе понимания и изучения высказывания». За спиной автора стоит уходящий в бесконечность ряд его предшественников. Они присутствуют в высказывании автора в виде «своего – чужого» слова, цитаты, мотива и т.д. «Не может быть изолированного высказывания», – пишет Бахтин. – Оно всегда предполагает предшествующие ему и следующие за ним высказывания. Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» (1, с. 359).

Говоря о взаимосвязях культур и понимании чужой культуры, ученый предостерегает от одностороннего и неверного, по его мнению, представления о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо переселиться в нее и глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Он допускает известное вживание в чужую культуру как необходимый момент в процессе ее понимания, не несущий ничего нового и обогащающего. *Творческое понимание*, – подчеркивает Бахтин, – не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает.

Основным способом изучения текста Бахтин считает его понимание. Ученый обращает внимание на недостаток, распространенный в методике объяснения текста, при котором его истолкование и анализ сводится к «узнаванию уже знакомого, а новое, если и улавливается, то только в крайне обедненной и абстрактной форме». При этом исчезает художественное своеобразие текста, индивидуальность творческого видения мира автором произведения. Анализ приобретает субъективный характер.

В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, «они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» (1, с. 393).

Таковы некоторые методологические положения Бахтина. Его идеи о диалогизме и его методологические принципы позволяют попытаться осветить новые грани в сложном фольклорном процессе.

Рассмотрим интересующую нас проблему на материале песенной лирики, бытующей в русско-украинских поселениях Курской области.

Длительное совместное проживание русских и украинцев на территории Курской области, их тесные хозяйственно-экономические связи привели к значительному этнокультурному сближению. Развивающиеся процессы этнокультурной интеграции между двумя родственными восточнославянскими народами – характерная черта их этнического развития. Сами по себе русские и украинские группы населения не были однородными в этнокультурном аспекте, поскольку их состав в результате постоянных миграций непрерывно пополнялся переселенцами различного сословного происхождения из разных мест России и Украины. Следствием сложных историко-социальных процессов явилось многообразие местных локальных вариантов бытовой культуры, формировавшихся в разное время под влиянием комплекса фактов.

Русская песня в процессе своего бытования постоянно испытывает влияние сходной по сюжету украинской. Так, популярная русская песня «Бежит реченька, бежит быстрая» представляет собою вариант сюжета о дочке – пташке. Здесь влияние украинской песни сказывается в лексике – в семантическом переосмыслении известного русского слова «перекинулась». Наряду с украинским словом «зозуля» встречается глагол «куковать».

Русский вариант (11, № 18):	Украинский вариант (5, №109):
Перекинулась в ту зозуленьку	Перекинулась зозуленьков

Зачин в рассматриваемом тексте сходен с зачином из украинской песни «Тече річка невеличка».

Русский вариант:	Украинская песня:
Бежит реченька, бежит быстрая	Тече річка невеличка,
Скачу – перескачу,	Піду – перескочу.
Отдай меня, маменька,	Віддай мене, моя мати,
За кого я хочу.	За кого я хочу.

В русских селах во многих случаях песня с общим для русской и украинской народной поэзии сюжетом ближе к украинской. Такова песня «Как берут братца в солдаты» (11, №6). В некоторых селах она исполняется с зачином: «А вчерась была да непогодушка, а сегодня погодушка...»

Братца провожают три сестрицы:
Самая старшая лошадь ведет,
А середня сестра зброю несет,
Сама младша сестра платочек дает,
Платочек дает, речь говорит...

Этот сюжет известен и в русском, и в украинском фольклоре. Последние строки в тексте из сборника П.В. Киреевского, «Воспоил, воскормил отец сына» (6, №1775), совпадают с украинской народной песней «Гей, колись була розніш – воля»:

Русский вариант (2, с.347-363):	Украинский текст (8, с.198-199):
Когда этот песок в очих	А коли, сестро,

взойдет	пісок, зійде,
Уж тогда милый брат в гости придет,	А тоді братик в гості прийде,
Как нима эта песку, нима сходу,	Нема з піску, нема сходу,
Как нима та брата со походу.	Та нема брата з походу.

В некоторых русских селах зафиксированы русские и украинские варианты с одним и тем же сюжетом. В одном из них бытует русский вариант песни «Обещался мещанин мещаночку взять» (4, №107), «Понедельник – день бездельник» (11, №31), в другом записан украинский – «У неділю п'ю, п'ю» (11, №27). Распространен и русифицированный вариант украинского текста:

Я в неделю пью, пью
В понедельник жну, жну
А во вторник вью, вью (11, №15).

Окончание не встречается ни в русских, ни в украинских печатных вариантах, но его грамматический строй выдает украинский источник:

И до дела не я
И до работы не я
С хлопцами погулять
Щей охота моя.

Интересующие процессы, характерные для взаимовлияния русской и украинской песни, наблюдаются, прежде всего, в характере изменения украинских песен, которые они претерпели. Так, песня «Ой, сиділа дівчина край віконця» в русских селах настолько изменилась в лексическом отношении, что в ней с трудом можно установить украинский оригинал. Она начинается со слов:

Там стояла Сашенька у оконца,
Выжидала Сашенька черноморца.
- Черноморец, маленька, черноморец,
Вывел меня босую на морозец... (11, № 7)

В украинском варианте первой половины XIX в. герой песни – запорожец («Запорожець, мамцю, запорожець»). В русском – черноморец. Аналогичные изменения наблюдаются в тексте этой песни во многих

русских селах.

Широко распространена в русских селах песня «Туман яром, туман долиною». Содержание её в основном устойчиво, совпадающее с украинским текстом. Изменяются только зачины. В одном из сел: «Туман ярый, роса долиною», в другом: «Туман ярый, россыпь долиною». В некоторых утрачена первая строка зачина, песня начинается со второй строки: «За туманом ничего не видно». Наиболее близок к украинскому текст: «Туман яром, туман долиною». Больше всего отличий от украинского в песне, записанной в с. Борки Суджанского района: «Туман туманится, за туманом да ничего и не видно» (11, №29). Для украинской песни, в отличие от русской, характерна свадебная символика:

Там дівчина води набирала,
Тай впустила золоте відерце,
Засмутилось козакове серце
Ой, хто ж мені відерце дістане,
Той зі мною на рушничок стане.
(3, с.414-415)

В русском варианте текста нет иносказательного диалога, в нем дана реалистическая сцена:

А под дубом одна девка стояла,
Ой, с парнем речи говорила.
Не женись-ка парень, парень,
Ярый паренечек,
Хоть один годочек!
А я, красна девка,
Вырасту на один да вершочек.

Лексика этого отрывка, грамматический строй – русские.

Своеобразно проявилось влияние украинского текста: возможно яр подсказал эпитет «ярый». Таким образом, в данном случае мы можем говорить о варианте украинской песни «Туман яром, туман долиною».

Объем некоторых вариантов увеличен за счет введения новых эпизодов. Так, в записанном тексте песни «В кінці греблі шумлять верби», есть эпизод, не зафиксированный в печатных публикациях. В сборниках украинской песни «козаченько» обращается

с просьбой к орлу сизокрылому передать девушке, ожидающей его, чтобы она вышла замуж за другого, ибо он уже женат. Драматичность ситуации усиливается ещё и тем, что в нашей записи покинутая осталась с «малой дитиною» на руках. Звучит отчаяние в словах девушки, как бы предчувствующей измену милого.

В известных же нам печатных публикациях (9, с.256-257) о причине длительного отсутствия «козаченька» не говорится ничего и потому нет того чувства безнадежности, которое наблюдается в нашем варианте.

В записанных текстах украинских песен наблюдается устойчивость зачинов, отклонения от соответствующих текстов в печатных публикациях незначительны. Основной образ в зачине, как правило, сохраняется. В частности, в варианте песни «Та забілили сніги» (11, №19) тот же образ снега, что и в каноническом тексте:

Завей снежочки,
Все пути – дорожки,
Все бурлацкие... (9, с.543).

Иногда вся песня переводится на русский язык. Например, «Ой, взойди, взойди, ясный месяц мой» является переводом песни «Ой, зійди, зійди, ясен місяцю...».

Украинский текст, помещенный в сборнике «Струни серця»:	Текст, записанный в русско-украинском селе:
Ой, зійди, зійди, ясен місяцю, Як млинове коло! Ой, вийди, вийди, серце-дівчино, Та промов до мене слово! (10, с. 22)	Ой, взойди, взойди, ясный месяц Как мельницы колесо, Выйди, выйди, сердцевушка, И скажи мне слово... (11, №23)

Песня «Против солнца калина стояла» (11, №30), состоит из двух украинских: отрывка из песни «Зеленая та ліщинонька» и полного текста «Коло млина, коло броду» (8, с.202).

Иногда украинские и русские песенные элементы находятся в состоянии сложного сплава: украинская песня с русским

зачинном. Так, зачином к песне «Ой, по горах, по долинах» (9, с.378) в русском варианте служит отрывок, несколько измененный, из известной русской песни «На березку на крутеньком» (7, с. 177):

На что было солучаться, Если расставаться. Солучались в чистом поле Под белой березой, Расставались в темном лесе Под горькой осинкой.	Горька, горька осинушка, Жизнь моя горчей. Срежу, срежу с рожки ветку Та пушу на воду, Пльиви, пльиви, с рожки ветка, Ближе к моему роду... (11, №35)
---	--

Зачин в данном случае совпадает с содержанием и основным настроением песни – жалобой замужней женщины на свою горькую судьбу.

Не всегда легко определить в современном национальном фольклоре элементы русской песенной поэзии или же выявить в русском фольклоре следы инонационального влияния.

При сравнительном изучении русской и украинской необрядовой поэзии обнаруживаются две тенденции: 1) стремление сохранить свой фольклор; 2) взаимовлияние культур и фольклора этих народов.

Иноэтническое происхождение песенной поэзии осознается далеко не всегда и довольно в ограниченной степени. Чужое как бы растворяется в национальном фольк-

лорном процессе и материале, что свидетельствует об активном и последовательном процессе ассимиляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. – М.: Искусство, 1986.
2. Богатырёв П.Г. *Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский фольклор*. – Уфа, 1962.
3. *Буковинські народні пісні. Упорядкування, вступ. стаття та примітки Л. Яценка. АН УРСР – Київ, 1963.*
4. *Великорусские народные песни, изд. А.И. Соболевским. Т. 7. – СПб., 1902.*
5. *Головацкий Я.Ф. Народные песни Галицкой Угорской Руси. – Ч. I. – М., 1878.*
6. *Киреевский П.В. Песни, собр. П.В. Киреевским // Новая серия. Т. 5.*
7. *Русские народные песни. – М., 1957.*
8. *Українські народні пісні. – Київ., 1951.*
9. *Українські народні ліричні пісні. – Київ, 1958.*
10. *Українські пісні про Коханья. – Київ, 1962.*
11. *Рукописный фольклорный фонд кафедры историко-культурного наследия Орловского государственного университета. Шифр РФФ. Тетрадь № 24. Номер записи дается в тексте.*

Об авторе

Грешникова Анжела Васильевна, старший преподаватель Орловского государственного института искусств и культуры. Фольклорист. Автор пятнадцати работ по устному народному творчеству.